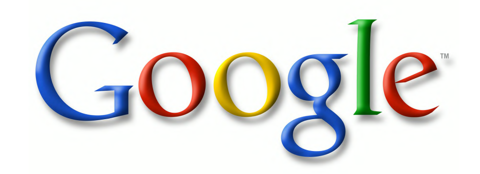

В. И. СЕРГѢЕВИЧЪ

КРЕСТЬЯНСКІЯ ПРАВА
и
ОБЩИННОЕ ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЕ
ВЪ АРХАНГЕЛЬСКОЙ ГУБЕРНІИ
ВЪ ПОЛОВИНѢ XVIII ВѢКА.

Изъ Журнала «Министерства Юстиціи»
(Февраль 1907 г.).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Сенатская Типографія
1907.

Годъ. **въ 1907 году** **ТРИНАДЦАТЫЙ**

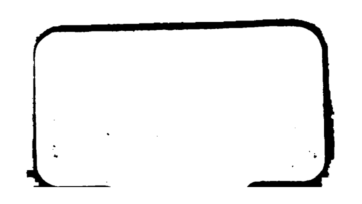
„ЖУРНАЛЪ МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦІИ“

выходитъ ежемѣсячно, кромѣ іюля и августа, книгами въ объемѣ около 20 листовъ. Подписной годъ начинается съ января 1907 г.

Въ „Журналѣ“ печатаются: 1) Узаконенія и распоряженія правительства, приказы и циркуляры по вѣдомству Министерства Юстиціи; 2) Статьи по исторіи, теоріи и практической разработкѣ права и судопроизводства, особенно гражданскаго и уголовнаго; 3) Обзоръ текущей судебной практики, систематическія извлеченія изъ рѣшеній Гражданскаго и Уголовнаго Кассаціонныхъ Департаментовъ и Общаго Собранія Правительствующаго Сената; 4) Литературное обозрѣніе: критическіе отзывы о новыхъ книгахъ и брошюрахъ, русскихъ и иностранныхъ, библіографическій указатель юридической литературы, русской и иностранной; 5) Обзоръ иностраннаго законодательства: свѣдѣнія о новыхъ законахъ и законопроектахъ въ иностранныхъ государствахъ; 6) Письма изъ Лондона и изъ Парижа.

Въ книгахъ «Журнала» за 1906 годъ, между прочимъ, напечатаны слѣдующія статьи, сообщенія и замѣтки.

Бутовскій, А. Н. Земли свободныхъ хлѣбопашцевъ.—**Бардзкій, А. Э.** Пасынки Ѳемиды (судъ надъ несовершеннолѣтними по закону 2 іюня 1897 года).—**Башмаковъ, А. А.** Общія начала крестьянскаго права наслѣдованія.—**Павловскій, І. Е.** Условное осужденіе.—**Наказы Рейхстага** Германской имперіи и прусской палаты депутатовъ.—**Фонъ-Резонъ, А. К.** Призовые суды.—**Бар. Нольде, Б. Э.** Начало и конецъ шведско-норвежской уніи.—**Чихачевъ, К. Я.** Взысканія за нарушеніе правилъ о продажѣ крѣпкихъ напитковъ.—**Ю—чъ, Г. В.** О разсрочкѣ денежныхъ взысканій по дѣламъ гражданскимъ.—**Наказъ палаты депутатовъ** Французской республики.—**Алексѣевъ, А. А.** Контрасигнированіе, его значеніе и объемъ въ конституціонномъ правѣ. — **Бранденбургъ, Э.** Парламентская обструкція, ея исторія и значеніе (переводъ съ нѣмецкаго).—**Сергѣевскій, Н. Д.** Къ ученію о преступленіяхъ религіозныхъ.—**Тарновскій, Е. Н.** Статистическія свѣдѣнія о лицахъ, обвиняемыхъ въ преступленіяхъ государственныхъ.—**Его же.** Уголовно-статистическія свѣдѣнія по Финляндіи.—**Его же.** Данныя экономической и уголовной статистики Японіи.—**Гордонъ, В. М.** Что такое искъ о признаніи?—**Фельдштейнъ, Г. С.** Русскій криминалистъ 20-хъ годовъ XIX-го вѣка Гавріилъ Ильичъ Солнцевъ.—**Хейфицъ, Ю. Я.** Цѣлесообразная наказуемость или „индивидуальная вина“?—**Сергѣевичъ, В. И.** Всеобщее избирательное право.—**Никоновъ, С. П.** Окладные сборы съ крестьянъ.—**Змирловъ, К. П.** Къ вопросу объ исполненіи заочнаго рѣшенія (735 ст. уст. гражд. суд. и ея примѣненіе на практикѣ).—**Гасманъ, А. Г.** Объ отмѣнѣ личнаго задержанія за долги въ губерніяхъ Варшавскаго судебнаго округа.—**Дерюжинскій, В. Ѳ.** Административные суды въ государствахъ Западной Европы.—**Бар. А. Э. Нольде.** Порядки австрійскаго парламента.—Памяти Якова Григорьевича

В. И. СЕРГѢЕВИЧЪ

КРЕСТЬЯНСКІЯ ПРАВА

и

ОБЩИННОЕ ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЕ

ВЪ АРХАНГЕЛЬСКОЙ ГУБЕРНІИ

ВЪ ПОЛОВИНѢ XVIII ВѢКА.

Изъ Журнала «Министерства Юстиціи»
(Февраль 1907 г.).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Сенатская Типографія
1907.

КРЕСТЬЯНСКІЯ ПРАВА И ОБЩИННОЕ ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЕ ВЪ АРХАНГЕЛЬСКОЙ ГУБЕРНІИ ВЪ ПОЛОВИНѢ XVIII ВѢКА.

В. И. Сергѣевича.

I. Крестьянская старина. II. Подушная подать и ея послѣдствія. III. Половники. IV. Новыя ограниченія крестьянскихъ правъ. V. Отношеніе императрицы Екатерины II къ наказамъ.

Въ 123 томѣ изданій Императорскаго Русскаго Историческаго Общества напечатаны крестьянскіе и городскіе наказы Архангельской губерніи. Въ половинѣ XVIII вѣка Архангельская губернія включала въ себѣ всю Вологодскую и еще три уѣзда Костромской: Галичъ, Чухлому и Солигалицкъ. Этотъ обширный край почти весь входилъ въ составъ владѣній Новогородской республики. Напечатанные теперь документы свидѣтельствуютъ, что въ немъ до самой половины XVIII вѣка сохранились остатки почтенной еще до-московской старины. На ряду съ этой глубокой древностью мы наблюдаемъ здѣсь и новости московскія, петровскія, елизаветинскія. До-московская старина встрѣчается здѣсь съ нововведеніями XVII и XVIII вѣковъ. Однимъ изъ послѣдствій этой встрѣчи было появленіе общиннаго крестьянскаго землевладѣнія, которое дожило и до нашихъ дней. Волостныя земли, которыя въ старину назывались „землями великаго князя, а крестьянскаго владѣнія“, стали возникать у насъ съ объединенія Москвы и никакъ не ранѣе второй половины XIV сто-

лѣтія. Но владѣніе волостными землями было не общинное, а личное. Матеріалы, заключающіеся въ 123 томѣ, даютъ возможность указать не только правительственныя распоряженія, которыя вызвали общинное землевладѣніе, но и опредѣлить почти годъ его появленія. Этотъ, по мнѣнію многихъ, исконный порядокъ вещей, процвѣтавшій у германцевъ еще до великаго переселенія народовъ, а у насъ стоящій въ непосредственной связи съ доисторическимъ родовымъ бытомъ, въ Архангельской губерніи не старѣе половины XVIII вѣка.

I.

Начнемъ съ остатковъ старины.

Въ старину право владѣть землей не было ограничено какимъ либо однимъ классомъ людей. Это право имѣли всѣ: и горожане, и крестьяне. Всѣ владѣли землей наслѣдственно, на началахъ полной собственности, съ правомъ распоряженія. Эта старина сохранилась и въ Архангелогородской губерніи до половины XVIII вѣка. Всѣ крестьянскіе и городскіе наказы знаютъ только землевладѣніе въ формѣ частной собственности.

У крестьянъ есть земли наслѣдственныя и благопріобрѣтенныя. Наслѣдственныя они называютъ „своими природными землями“. Крестьяне экономическаго вѣдомства имѣли въ Пырской слободѣ „пахотныя земли и сѣнные покосы издревле, по писцовымъ книгамъ, природные“ (200).

Эти природныя земли крестьяне называютъ „своими родовыми деревнями“. Экономическіе крестьяне ямской слободки говорятъ, что они „жительство имѣютъ на родовыхъ своихъ деревняхъ, на которыхъ и въ черносошномъ крестьянскомъ перечнѣ состояли“ (198).

Эти родовыя деревни крестьяне называютъ „своими родовыми вотчинами“. Черносошные крестьяне Алексинскаго стана говорятъ, что „эти бывшія ихъ родовыя вотчины состоятъ нынѣ за разными городовыми купцами“ (222).

Въ XIX вѣкѣ о родовыхъ земляхъ и вотчинныхъ деревняхъ получили право говорить только одни дворяне; въ старину такая собственность была и у крестьянъ.

Природнымъ крестьянскимъ землямъ противополагаются „покупныя", по нашему—благопріобрѣтенныя.

Экономическіе крестьяне Оквадской волости просятъ о дозволеніи продавать, покупать и закладывать всякому свои природныя и покупныя хлѣбопашенныя и сѣнокосныя земли (271).

Эти покупныя земли называются „крѣпостными", потому что пріобрѣтаются обыкновеннымъ крѣпостнымъ порядкомъ. Экономическіе крестьяне Пырской слободки говорятъ, что у нихъ, кромѣ родовыхъ земель, есть и „иныя многія покупныя по крѣпостямъ" (200)..

Если архангельскіе крестьяне владѣютъ своими землями наслѣдственно, если они продаютъ ихъ и покупаютъ новыя, то изъ этого, конечно, слѣдуетъ, что владѣніе ихъ было личное, а не общинное. Общинное землевладѣніе не допускаетъ ни наслѣдства пахотныхъ и сѣнокосныхъ земель, ни ихъ отчужденія. Какъ личные владѣльцы, крестьяне владѣютъ разнымъ количествомъ земли, а не одинакимъ на тягло, какъ при общинномъ землевладѣніи. Въ наказѣ Чакульской волости перечислено, сколько за кѣмъ земли: у крестьянина Ал. Алешкина пашенной земли на четыре четверти, а сѣнного покоса на 250 копенъ, а у Ѳедора Козицына пашенной земли на двѣ четверти, а сѣннаго покоса на 90 копенъ и т. д. (232).

А вотъ и еще очень характерное для порядка тогдашняго землевладѣнія свидѣтельство. Крестьяне Николаевскаго погоста пишутъ: „Да и пашенная земля во владѣніи состоитъ . . . по прежнимъ писцовымъ, сто девяносто пятаго года (1682), писца Озерова книгамъ: что за кѣмъ въ тѣ годы написано было, тѣмъ тотъ и наслѣдники его владѣютъ сами и на сторону, за излишествомъ, продажу чинятъ"... И далѣе: „А съ другой стороны имѣется почти на двѣ трети малоземельныхъ и скудныхъ, а у нѣкоторыхъ, за прежними отцовъ ихъ продажами, и вовсе земли не имѣется, а хотя же

и найдется, то уже самое малое число, почти и во владѣніе вступить не во что".

Никакой земельной общины, всякій владѣетъ лично, передаетъ наслѣдникамъ или отчуждаетъ, смотря по обстоятельствамъ.

При такомъ порядкѣ исключительно личнаго владѣнія, очень понятно, что богатые крестьяне занимали пустопорожнія земли и обращали ихъ въ свою собственность. На это указываютъ неимущіе крестьяне того же погоста: „Нашей Молской волости крестьяне, по возможностямъ своимъ, завладѣли оброчными пустошами и порозжими землями, на которыхъ и поселились, и называютъ тѣ земли своими".

Это—заимка, очень распространенный въ древности способъ пріобрѣтенія никому не принадлежащихъ земель.

Тотъ же порядокъ вещей примѣняется и къ горожанамъ. Они тоже владѣютъ и родовыми и покупными вотчинами (375).

Купцы Лалскаго посада говорятъ, что они имѣютъ въ черныхъ волостяхъ деревни, по писцовымъ книгамъ, изстари, родовыя и покупныя (504).

Какъ крестьянамъ, такъ и горожанамъ принадлежитъ право распоряженія ихъ вотчинами, какъ покупными, такъ и родовыми. Они могутъ отчуждать ихъ, какъ между собой, такъ и постороннимъ лицамъ. Вслѣдствіе этого горожане владѣютъ волостными землями, крестьяне—городскими. Въ городскихъ и крестьянскихъ наказахъ очень нерѣдки указанія на переходъ городскихъ земель къ крестьянамъ и крестьянскихъ къ горожанамъ. Крестьяне не только покупаютъ городскія земли, но и живутъ въ своихъ городскихъ домахъ, оставаясь крестьянами, и, наоборотъ, купцы живутъ въ деревняхъ. Все это глубокая старина.

Уложеніе запрещаетъ крестьянамъ имѣть въ городахъ дворы и лавки, не записавшись въ посадъ, но его опредѣленія и по истеченіи ста лѣтъ не вошли еще въ жизнь. Горожане Яренска говорятъ, что уѣздные крестьяне владѣютъ въ городѣ своими домами, торгуютъ мелочными товарами и разными мастерствами промышляютъ (377).

Возникаетъ вопросъ, какъ образовались эти крестьянскія волости, земли которыхъ состоятъ въ частной собственности отдѣльныхъ лицъ?

Въ старину были крестьяне своеземцы, но они не составляли особыхъ крестьянскихъ волостей. Новогородскія писцовыя книги описываютъ земли крестьянъ своеземцевъ на ряду съ землями бояръ и бояришекъ, не выдѣляя ихъ въ отдѣльныя группы. Волостныя земли въ Новогородскихъ владѣніяхъ появились вслѣдствіе конфискаціи великимъ княземъ Иваномъ Васильевичемъ боярскихъ земель въ Новгородѣ и предоставленія ихъ въ прекарное владѣніе крестьянъ, сидѣвшихъ на этихъ земляхъ по арендным договорамъ съ прежними владѣльцами-боярами. Есть основаніе думать, что такого же происхожденія были и волостныя земли Архангелогородской губерніи.

Въ городскомъ наказѣ Устюга-Великаго говорится, что по прежнимъ грамотамъ велѣно было продавать сперва устюжанскимъ посадскимъ, а потомъ и уѣзднымъ людямъ земли, которыя поступили въ казну путемъ *конфискаціи* и иными способами (418). Что въ предѣлахъ этой части старинныхъ новогородскихъ владѣній имѣла мѣста такая же конфискація, какая была произведена и въ Новогородскихъ пятинахъ, это видно и изъ встрѣчающагося въ наказахъ наименованія дворцовыхъ земель именами прежнихъ владѣльцевъ. Деревни Нижнеедромской волости называются деревнями *Васильевской боярщины* (56), крестьяне Шенкурскаго стану называются крестьянами *Афанасофской* и *Есиповской боярщинъ* (68). Эти наименованія прямо переносятъ насъ ко времени новогородскихъ писцовыхъ книгъ конца XV вѣка и позднѣйшихъ, въ которыхъ конфискованныя боярщины также постоянно называются именами своихъ прежнихъ владѣльцевъ.

Въ XVI и XVII вѣкахъ эти конфискованныя и предоставленныя во владѣніе крестьянъ земли носили наименованіе „земель царя и великаго князя, а крестьянскаго владѣнія“; теперь онѣ стали называться государственными черносошными землями.

Указанными особенностями Архангельская старина не

исчерпывается. Самый характеръ архангелогородскихъ деревень старинный. Въ старину деревни состояли изъ небольшого количества дворовъ: одинъ дворъ составлялъ уже деревню. То же и теперь. Крестьяне Сидоровой волости живутъ въ 28 деревняхъ, въ которыхъ насчитывается всего 191 дворъ, т. е., кругомъ, менѣе 7 дворовъ на деревню.

Русская Правда знаетъ дворецкихъ, она называетъ ихъ ключниками и тіунами. Какъ символъ своей должности, дворецкіе носили на поясѣ ключи. Господа довѣряли имъ не только домашнее хозяйство, но и совершеніе всякаго рода сдѣлокъ. Тіуны покупали на ихъ имя рабовъ, земли и цѣлыя деревни. О такихъ сдѣлкахъ въ московскихъ памятникахъ говорится, что тіуны покупаютъ раба или деревни „на ключъ господина". Это символическое значеніе ключа въ Архангельской губерніи дожило до половины XVIII вѣка. Половники купца Панова говорятъ: „мы живемъ въ разныхъ его деревняхъ при объявленныхъ хозяйскихъ ключахъ" (91).

Въ наказахъ упоминаются „печищныя" земли. Печищныя, конечно, происходятъ отъ печища, но что такое печище? И теперь въ Архангельской губерніи слово „печище" означаетъ небольшую деревушку въ 3—6 дворовъ. Деревня въ одинъ дворъ есть деревня, принадлежащая хозяину двора. Такихъ деревень не мало въ новогородскихъ писцовыхъ книгахъ. Деревня въ два-три двора есть деревня второго поколѣнія хозяина деревни въ одинъ дворъ. Сыновья перваго хозяина деревни въ одинъ дворъ селятся, конечно, тутъ же, рядомъ. Въ новогородскихъ писцовыхъ книгахъ есть деревни въ три, четыре двора, которыя носятъ наименованіе отъ личныхъ именъ: Иванова деревня, Афанасьева и пр. Это деревни родственниковъ. Онѣ-то и носятъ въ XVIII вѣкѣ (а, можетъ быть, и ранѣе) наименованіе „печищъ". Что же такое печищныя земли? Это общая собственность родственниковъ. Въ наказахъ наименованіе печищныхъ земель встрѣчается съ опредѣленіемъ „крѣпостныя". Это общія покупки братьевъ и другихъ родственниковъ.

Но общія земли могли быть не только у родственниковъ, но и у постороннихъ лицъ. У П. Клочихина былъ общій

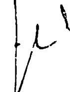
лугъ на 250 копенъ съ братьями и крестьяниномъ Б. Балушкинымъ. А у другого Балушкина, Федора, былъ общій лугъ въ 270 копенъ съ братомъ Андреемъ и съ нѣсколькими посторонними крестьянами. Такіе совладѣльцы называются товарищами (233). Общія земли были не только у отдѣльныхъ лицъ, но и у сосѣднихъ волостей (237). Такую общую собственность не должно смѣшивать съ общиннымъ владѣніемъ, что, однако, многіе дѣлаютъ. Напримѣръ, въ одномъ наказѣ читаемъ: „Которыя наши пахотныя и сѣнокосныя земли въ смежности Наволоцкой волости крестьянъ, тѣмъ быть, какъ издревле, въ общемъ владѣніи". Это общія земли двухъ волостей и только. Что онѣ въ общинномъ владѣніи крестьянъ, объ этомъ не говорится, и предполагать это нѣтъ никакого основанія.

II.

Такова старина Двинской земли, присоединенной въ первый разъ къ Москвѣ еще въ XIV вѣкѣ. Введенная Петромъ подушная подать должна была кореннымъ образомъ измѣнить эти порядки.

Наша старина не знала податнаго обложенія по числу душъ населенія. Съ самыхъ древнѣйшихъ временъ и до конца XVII вѣка мы встрѣчаемся съ очень разными способами обложенія, но всегда облагались не души и даже не земли или другія недвижимости, а хозяйства. Разные способы стариннаго обложенія могутъ быть сведены къ двумъ типамъ, которые въ концѣ концовъ сливаются въ одинъ. Первый типъ, древнѣйшій,—сельско-хозяйственная единица, съ XVI вѣка измѣряемая количествомъ воздѣлываемой земли. Это обжа, соха, четь, выть. Второй типъ—хозяйственная единица, одинаково примѣняемая и къ сельскому, и къ городскому хозяйству. Это—дворъ, дворовая соха, дворовая четверть. Въ первомъ случаѣ мы имѣемъ разные способы обложенія по внѣшнему признаку размѣровъ сельскаго хозяйства, во второмъ— по внѣшнему признаку состоятельности хозяйскаго двора. Можно думать, что долговременный опытъ привелъ москов-

ское правительство къ убѣжденію въ практическомъ превосходствѣ подворнаго обложенія. Но дворы облагались не поровну, а по размѣрамъ хозяйства; крестьянскіе дворы—по воздѣлываемымъ землямъ и угодьямъ. Пустыя земли не облагались; облагались только „живущія деревни". Если живущая деревня дѣлалась пустой, заинтересованныя лица имѣли право просить о выключеніи ея изъ оклада. Съ „пуста" никто ничего не долженъ былъ платить въ Московскомъ государствѣ.

Въ Архангелогородской губерніи слѣды этого стараго порядка вещей сохранились еще въ половинѣ XVIII вѣка. Въ крестьянскихъ наказахъ встрѣчаемъ выраженіе „живущія деревни" (153) и жалобы на то, что приходится платить „съ пуста" (114, 117, 126).

Петръ Великій перевелъ обложеніе съ хозяйствъ на души. Платить должны были не только работники, но всѣ, занесенные въ ревизскіе списки: только что родившіеся, малолѣтніе, престарѣлые, калѣки, убогіе, сумасшедшіе, словомъ, все наличное число людей мужскаго пола, попавшее въ списки, со включеніемъ и только что умершихъ. Что же вышло?

Архангельскіе крестьяне владѣли участками разной мѣры. Переносъ обложенія на души имѣлъ то послѣдствіе, что крестьянамъ, у которыхъ было много земли, а мало душъ, было легко платить подушную подать, а тѣмъ, у которыхъ было мало земли, а много душъ, платить было тяжело. Наказы полны жалобъ на этотъ новый порядокъ вещей.

Крестьяне деревни Заболотной пишутъ: „А мы, крестьяне, по ревизіи со всякой души плотимъ въ равенствѣ, а землею владѣемъ не въ равенствѣ, и въ томъ имѣемъ нужду".

Ту же мысль высказываютъ и крестьяне Верхней половины Толшемской волости: „У насъ въ волости у многихъ крестьянъ имѣется по написанію въ сказкахъ третьей ревизіи душъ по 6, по 7 и по 8, а пашенной земли у нихъ имѣется самое малое число; а у которыхъ крестьянъ имѣется по 3, по 2 и по 1 души, то у нихъ пашенной земли полное число, и отъ того многодушнымъ разореніе и скудость бываетъ".

Очень хорошо высказывають ту же жалобу крестьяне Спасскаго погоста: „Между крестьянствомъ въ деревняхъ и пустошахъ, по писцовымъ книгамъ, по крѣпостямъ и по другимъ сдѣлкамъ, пашенная земля съ угодьями не въ равенствѣ противъ написанныхъ мужскаго пола душъ, у оныхъ на одну душу—владѣнія (земли) противъ двухъ или трехъ. Въ платежѣ подушномъ малоземельнымъ и неимущимъ—отягощеніе и обида".

Изъ приведенныхъ мѣстъ видно, какъ осуществлялась Петровская реформа во второй половинѣ XVIII вѣка. Крестьяне продолжали сидѣть на своихъ наслѣдственныхъ и благопріобрѣтенныхъ участкахъ, и каждая семья платила подушное съ числа душъ, занесенныхъ въ послѣднюю ревизію, безъ всякаго вниманія къ количеству владѣемой земли. Никакого передѣла не было. Владѣніе продолжало быть личнымъ, а не общиннымъ, и понятно, къ какому вопіющему неравенству податной тягости привело подушное обложеніе.

При господствѣ личной крестьянской собственности и отсутствіи общиннаго землевладѣнія, въ деревняхъ должны были быть люди совершенно безземельные. Они дѣйствительно и были и назывались бобылями.

Крестьяне Кивокурскаго стана пишутъ: „Въ нашемъ станѣ безпахотные крестьяне имѣются, у которыхъ издревле пашенной земли и сѣнныхъ покосовъ не бывало, кои по нашему обыкновенію называются бобылями".

Бобыли это опять очень почтенная старина. Въ московскихъ памятникахъ XVI вѣка бобылями называются „непашенные люди", т. е., какъ и въ Архангельской губерніи, люди, не имѣющіе ни пашенной земли, ни сѣнокосныхъ угодій. Среди такихъ бобылей могли быть и достаточные люди, которые жили разными промыслами, и бѣдные, которые не имѣли ни земли, ни промысловъ. Спрашивается, какъ же эти послѣдніе платили подушное? Такъ какъ общиннаго землевладѣнія еще не было и земля имъ не нарѣзалась, то они сами подушнаго не платили, за нихъ платили крестьяне, владѣвшіе землей.

Въ наказѣ крестьянъ Николаевскаго и Георгіевскаго по-

гостовъ читаемъ: „Безпашенныхъ и безземельныхъ бобылей 60 душъ, и располагаются по прочимъ крестьянамъ за нихъ подушныя деньги, отъ того и всѣ являются нынѣ въ великой скудости“.

Такъ же платили всѣ личные землевладѣльцы за умершихъ и безпомощныхъ „въ великому своему отягощенію“.

Но крестьяне не только жалуются на вопіющія неудобства податной реформы Петра Великаго, они изыскиваютъ и средства помочь горю.

Эти средства различны, смотря по различію положенія крестьянъ. Одни изъ нихъ, какъ было указано, имѣютъ достаточное количество земли и распространяютъ свои владѣнія всѣми возможными способами, покупкой и заимками. Другіе, наоборотъ, распродали свои земли и остались или совсѣмъ безъ земли, или съ очень малымъ ея количествомъ. Они существуютъ заработками у болѣе достаточныхъ землевладѣльцевъ. Живя поденнымъ трудомъ, они не могутъ дѣлать и заимокъ, для чего нуженъ не одинъ досугъ, но скотъ и орудія, т. е. капиталъ. Различіе бѣдныхъ и богатыхъ— тоже очень почтенная древность, оно сказывается и въ крестьянствѣ Архангельской губерніи. Богатые (сравнительно) землевладѣльцы и бѣдные не могли одинаково отнестись къ неудобнымъ послѣдствіямъ податной реформы.

Люди, у которыхъ земли было мало или и совсѣмъ не было, но которые были положены въ тотъ же подушный окладъ, очень легко пришли къ мысли о ровномъ передѣлѣ земель между всѣми плательщиками. Жалобы на то, что у однихъ земли мало, а у другихъ много, обыкновенно оканчиваются заявленіемъ о необходимости „поверстки“ или „разверстки“, безъ чего неимущимъ не малое отягощеніе и обида. Крестьяне Стрѣлицкой волости пишутъ: „Да и пашенная земля нынѣ во владѣніи состоитъ, какъ въ жилыхъ деревняхъ, такъ и въ пустошахъ, въ неповерсткѣ противъ написанныхъ по нынѣшней ревизіи душъ“, т. е. ровнаго передѣла нѣтъ.

Въ наказѣ Молской волости слышится прямая жалоба на многоземельныхъ крестьянъ: „Платежъ подушныхъ денегъ нынѣ воспослѣдуетъ, въ силу состоявшагося указа о реви-

зіи, по окладу съ душъ, а не со владѣнія земли, въ угодность многоземельнымъ владѣльцамъ, а маловладѣльцы земель, за неповерсткою земли и за непосѣвомъ хлѣба, приходятъ во всеконечный упадокъ". Изъ того же наказа узнаемъ, что тотемская канцелярія присылаетъ указы „о поверсткѣ", но что выборные люди (старосты), большетяглые крестьяне, „поступаютъ въ силу прежнихъ указовъ и считаютъ свои земли за родовыя свои вотчины, а платежъ подушныхъ денегъ производятъ съ написанныхъ душъ по окладу, а не со владѣнія земли".

Мы наблюдаемъ здѣсь картину борьбы бѣдныхъ и богатыхъ, говоря языкомъ нашего времени, борьбы капитала съ пролетаріатомъ. Правительство, въ лицѣ тотемской канцеляріи, поддерживаетъ бѣдныхъ и предписываетъ поверстку земли, нисколько не смущаясь нарушеніемъ принципа собственности; но богатые, въ рукахъ которыхъ выборъ мѣстныхъ властей,— отстаиваютъ свою собственность и сбираютъ подушную подать съ душъ. Но надо отдать справедливость и молскимъ капиталистамъ половины XVIII вѣка: по усмотрѣнію сотскихъ и старостъ, при платѣ подушнаго, бѣднымъ „чинится вспоможеніе, но не большое". Это уже добавочное обложеніе богатыхъ въ пользу бѣдныхъ. Мы здѣсь, кажется, на пути къ подоходному обложенію.

Наказъ заключается такими словами: „А ежели по сему представленію .... приказаніе о разверсткѣ земли противъ написанныхъ душъ учинено будетъ, какъ способнѣе по десятинамъ, въ равенство, и то въ нашей Молской волости противъ написанныхъ тысячи трехъ сотъ осмидесяти одной души земли будетъ".

Итакъ, бѣдные желаютъ отобранія земли у богатыхъ и раздѣла ея поровну между всѣми жителями волости; въ Молской волости пахотной земли достаточно для надѣленія всѣхъ жителей. О вознагражденіи собственниковъ бѣдные не думаютъ. Священная собственность должна быть отобрана даромъ.

Очень понятно, что богатые (сравнительно) не могли присоединиться къ такому рѣшенію вопроса. Крестьяне Хима-

невской волости даютъ очень интересную критику этимъ домогательствамъ бѣдняковъ. „Мѣсто здѣшнее“,—говорятъ они,—„самое приморское и не хлѣбородное, земли не распашистыя и самыя плохія и гористыя, глинныя и песчаныя, а душъ, по нынѣшней ревизіи, умножилось, по благости Божіей, не малое число. За малоимѣніемъ земли и угодій, имѣющіе къ хлѣбопашеству раченіе участки свои ежегодно унаваживаютъ, и сверхъ того, для распространенія онаго хлѣбопашества, прилагаютъ неусыпные свои труды, чрезъ кои присовокупили и нынѣ присовокупляютъ той пашни и покосовъ вновь изъ пашенныхъ лѣсовъ и изъ горныхъ и болотныхъ мѣстъ. А другіе прочіе тунеядцы, не точію къ тому какое раченіе и стараніе имѣютъ, но всегда обращаются въ лѣности и мотовствахъ, и отъ того участки свои размотали и запустошили и пришли въ скудость и къ платежу податей въ несостояніе, и просятъ, чтобы имъ тѣ распашныя и унавоженныя земли подѣлить по душамъ. И если такимъ мотамъ и лѣнивцамъ повелѣно будетъ изъ тѣхъ распашныхъ съ великимъ трудомъ и убыткомъ и унавоженныхъ участковъ раздѣлить по душамъ, то оной обойдется на каждую мужскаго пола душу по одной десятинѣ не съ большимъ прибавкомъ, на чемъ содержаться не можно, и впредь къ умноженію хлѣбопашества и къ распространенію земли такого старанія и раченія прилагать будетъ никому не охотно и убытковъ имѣть не для чего, потому что, какъ рачительные распахивать, а лѣнивые въ готовое входить и также опять проматывать и запустошать будутъ, а которые въ хлѣбопашествѣ веліе стараніе имѣютъ и хлѣбопашествомъ отъ того и подать оплачиваютъ, а которые лѣнивцы, не стараясь о хлѣбопашествѣ, тѣ и нынѣ пребываютъ въ недостаткахъ и платежа податей не въ состояніи“.

Такое же сужденіе о притязаніяхъ малоземельныхъ крестьянъ на земли многоземельныхъ встрѣчается еще въ 23 наказахъ.

Другое рѣшеніе податнаго вопроса, не затрогивающее правъ собственности богатыхъ людей, состоитъ въ ходатайствѣ о поверсткѣ не земель по душамъ, а податной тягости по зе-

млямъ и промысламъ. Вотъ какъ эта мысль выражена въ наказѣ черносошныхъ крестьянъ Совъюжской волости. Указавъ на платежъ подушнаго „по 1 р. 70 к. съ души въ равенствѣ", наказъ продолжаетъ: „Не соблаговолено ли будетъ между государственными черносошными крестьянами по землямъ, по промысламъ и работамъ, въ платежѣ онихъ подушныхъ и прибавочныхъ денегъ, учинить поверстку, и о томъ покорнѣвше просимъ, дабы Ея Императорское Величество повелѣть благоволили милостивое учинить разсмотрѣніе и указное соизволеніе".

Это второе рѣшеніе вопроса не представляетъ ничего новаго. Мы встрѣчаемся здѣсь съ возвращеніемъ къ старому порядку вещей, къ обложенію по состоянію хозяйства, которое выражается въ размѣрахъ обработываемой земли, промысловъ и въ отхожихъ работахъ.

Этотъ обмѣнъ мнѣній переноситъ насъ въ современную злобу дня. Половина XVIII вѣка встрѣтилась почти съ тѣмъ же вопросомъ, который занимаетъ и людей начала XX-го.

Податной вопросъ, которымъ, по вызову Императрицы Екатерины, архангельскимъ крестьянамъ пришлось заняться въ 1767 году, былъ уже разрѣшенъ самимъ правительствомъ и 13-ю годами раньше—въ межевой инструкціи 1754 года.

Эта межевая инструкція, по отношенію къ крестьянскому землевладѣнію, представляетъ образчикъ чрезвычайно радикальнаго законодательства, можно даже сказать это—древнѣйшій опытъ законодательства въ чисто соціалистическомъ направленіи.

Вотъ суть этихъ меморабильныхъ постановленій:

1. Право личнаго распоряженія крестьянскими землями отмѣняется. Земли эти никому не могутъ быть продаваемы и закладываемы, ни крестьянамъ, ни постороннимъ лицамъ. Онѣ не могутъ быть отчуждаемы и по суду.

2. Право наслѣдованія въ крестьянскихъ земляхъ отмѣняется. Всѣ земли, съ которыхъ крестьяне положены въ подушный окладъ, послѣ умершихъ владѣльцевъ, между наслѣдниками ихъ не дѣлятся; они записываются за селеніями въ качествѣ государственныхъ. Это своего рода національзація земли.

3. То, что крестьяне вновь распахали, противъ показаннаго за ними по писцовымъ книгамъ, и продали, отбирается у покупателей безденежно и поступаетъ къ селеніямъ въ государственныя земли.

4. Всѣ продажи земель крестьянскихъ, прежде сдѣланныя людямъ, неположеннымъ въ семи-и четырехгривенный окладъ, отбираются у покупателей безденежно и тоже поступаютъ къ селеніямъ въ государственныя.

Чѣмъ это не соціализмъ? Частная собственность на крестьянскія земли отмѣнена. Это теперь—государственныя земли; онѣ состоятъ во владѣніи не лицъ, а поселеній. По смерти наличныхъ владѣльцевъ, онѣ идутъ не къ наслѣдникамъ умершихъ, а къ селамъ, которыя вновь распредѣляютъ эти земли между своими членами для уравненія.

Но передѣловъ прижизненныхъ и тутъ еще нѣтъ. Они тоже возникли не сами собой, а по предписанію правительства, указомъ 1781 года, которымъ было предписано „между крестьянами земли и угодья смѣшавъ, раздѣлить на тяглы по душамъ, а съ того уже быть, какъ раскладкамъ подушнаго платежа, такъ всѣмъ службамъ и работамъ“.

Кто же совершилъ эту радикальную реформу? Я не знаю исторіи составленія межевой инструкціи. Можно только сказать, что это сдѣлала не сама императрица Елизавета Петровна, въ царствованіе которой вышла эта инструкція; это, по всей вѣроятности, дѣло рукъ ея Сената, который, по словамъ Екатерины II, и законодательствовалъ, и всѣмъ управлялъ. Россійскій Сенатъ, состоящій изъ бюрократовъ, издаетъ первый соціалистическій законъ. Но Сенатъ дѣйствовалъ въ цѣляхъ государственныхъ, а не соціалистическихъ; въ этомъ существенная разница крестьянской реформы половины XVIII вѣка и стремленій современныхъ соціалистовъ. Дѣло идетъ объ отмѣнѣ частной земельной собственности, права наслѣдованія и гражданскаго оборота. Все это соціалисты желаютъ осуществить въ своемъ рабочемъ государствѣ для достиженія всеобщаго человѣческаго счастья. Наши сенаторы половины XVIII вѣка были люди зрѣлые и умудренные опытомъ жизни, а потому о всеобщемъ человѣческомъ счастьѣ они не меч-

тали. Они желали достигнуть только правильнаго полученія подушной подати. Для этого надо было такъ устроить, чтобы лицамъ, положеннымъ въ подушный окладъ, было съ чего платить. Это легко достигалось: имъ надо было дать землю, запретить отчужденіе и отмѣнить наслѣдованіе. Все это Сенатъ и сдѣлалъ. Послѣдствіемъ этого и является общинное землевладѣніе. Оно, слѣдовательно, возникло на нашихъ глазахъ въ силу распоряженій 1754 и 1781 годовъ.

Екатерина II задалась новою мыслью: дать Россіи новое законодательство, составленное по указаніямъ разума. Для этого она и созвала депутатовъ русской земли въ свою законодательную коммисію. Что бы новые законы были въ духѣ народнаго умоначертанія, она и предписала депутатамъ привести отъ своихъ избирателей наказы о своихъ нуждахъ. Не дожидаясь, однако, выработки новыхъ законовъ, императрица въ 1765 году приказала составить новую межевую инструкцію. Это распоряженіе было вызвано нѣкоторыми статьями первой инструкціи, которыя вызывали у помѣщиковъ опасенія объ отрѣзкѣ у нихъ излишней противъ окладовъ и писцовыхъ книгъ земли, что̀ повело къ массѣ споровъ и пререканій, имѣвшихъ послѣдствіемъ замедленіе размежеванія и даже во многихъ мѣстахъ его пріостановку. Новая инструкція, обнародованная въ 1766 году, измѣнила статьи, пугавшія дворянство, но статьи, о которыхъ была рѣчь выше, вошли въ нее безъ всякихъ измѣненій. Этими двумя законодательными актами и положено начало перехода крестьянскаго личнаго владѣнія въ общинное.

Результаты этого перваго опыта соціалистическаго законодательства всякій можетъ наблюдать на дѣлѣ. Прежде были и богатые и бѣдные крестьяне. Теперь всѣ уравнялись въ бѣдности. Въ голодный 1901 годъ даже остзейскіе крестьяне, необщинники, оказывали помощь русскимъ голодающимъ, но не было извѣстій, чтобы имъ помогали наши общинники. Опасенія, высказанныя крестьянами Химаневской волости, оправдались: при новомъ порядкѣ вещей распространеніе сельской культуры путемъ заимокъ и распашки новыхъ земель должно было прекратиться. Обязательное надѣленіе всѣхъ

членовъ общины землею привязало къ земледѣлію и такихъ людей, которые не имѣли къ этому занятію никакого призванія. Земледѣліе отъ этого, конечно, не выиграло. Такъ получился тотъ порядокъ вещей, который послѣ 150-лѣтняго опыта общиннаго землевладѣнія привелъ къ современному аграрному вопросу.

Распоряженія первыхъ инструкцій не нравились крестьянамъ, конечно, богатымъ, которые заботились о развитіи своего хозяйства. Въ наказахъ нерѣдки просьбы о возстановленіи права распоряженія, отнятаго инструкціями. Крестьяне Ягрыжской волости указываютъ неудобныя послѣдствія запрещенія продажъ: „А въ здѣшнемъ мѣстѣ“,—говорятъ они,—„многіе приходятъ отъ нижеслѣдующаго въ несостояніе. Неимѣющіе дѣтей, а сами, за слабымъ здоровьемъ или за старостію, домашнею экономіею управлять и состоящую за ними пашенную землю работою снабдѣвать въ несостояніи, а продавать не дозволено, отчего состоящія за ними деревни приходятъ въ крайнее несостояніе и запустѣніе“..... Эти жалобщики не могутъ еще уловить всей сути новыхъ реформъ; они говорятъ о состоящихъ за ними деревняхъ, а по межевымъ инструкціямъ деревни уже не за ними, а за общинами.

Во многихъ наказахъ встрѣчаемъ прямо просьбы о разрѣшеніи продажъ и закладовъ въ такой формѣ: „Просимъ дозволенія въ покупкѣ и въ продажѣ и въ закладъ всякому своихъ природныхъ и покупныхъ хлѣбопашенныхъ и сѣнокосныхъ земель и въ письмѣ на тѣ земли купчихъ и закладныхъ крѣпостей, дабы въ случаѣ которые крестьяне придутъ въ упадокъ, чтобъ могли для поправленія себя подъ закладъ земель деньги занимать, а съ другой стороны, надѣясь на закладъ, охотнѣе давать“.

Для хозяйства, конечно, нуженъ кредитъ. Межевыя инструкціи, запретивъ закладъ земель, убили крестьянское хозяйство.

Крестьяне Ужгинской волости поручаютъ своему депутату: „Состоящія въ нашей волости въ дачахъ дикія поля и лѣсныя мѣста просить дозволенія расчищать подъ хлѣбопаше-

ство и сѣнокосы, кто сколько по семействамъ своимъ и по возможности будетъ". Межевыя инструкціи, предписавъ подобныя заимки зачислять за селеніями, а не за тѣми, кто ихъ сдѣлалъ, убили крестьянскую инициативу въ развитіи сельскаго хозяйства.

Такъ возникло общинное землевладѣніе, и таковы его послѣдствія.

III.

Введеніе подушной подати имѣло и другое весьма важное послѣдствіе. Оно повело къ образованію новаго несвободнаго класса сельскаго населенія, но подъ старымъ названіемъ половниковъ.

Половниковъ знала и до-Петровская Русь. Но они не составляли тамъ особаго класса населенія, права котораго были бы умалены сравнительно съ другими крестьянами. Это былъ видъ арендаторовъ чужой земли, снимавшихъ ее изъ полу; другіе—снимали землю на иныхъ условіяхъ. Въ этомъ вся разница.

Съ возникновеніемъ волостныхъ земель „Царя и Великаго Князя, а крестьянскаго владѣнія", и крестьяне, сидѣвшіе на этихъ земляхъ, занимались арендою чужихъ земель, помѣщичьихъ, купеческихъ, крестьянскихъ. Этимъ, конечно, занимались крестьяне малоземельные или и совсѣмъ безземельные, владѣвшіе только дворами. При обиліи въ старину земель богатымъ крестьянамъ не было необходимости брать въ аренду чужія деревни, они могли распространять свои владѣнія заимкой.

Этотъ порядокъ вещей продолжается и въ XVIII вѣкѣ. Черносошные крестьяне Алексинскаго стана говорятъ о себѣ: „Бывшія наши родовыя вотчины нынѣ состоятъ во владѣніи за разными купцами и прочими городскими жителями, но, какъ прадѣды, дѣды и отцы наши ко онымъ купцамъ и городовымъ жителямъ продали, заложили или отъ какихъ своихъ необходимыхъ нуждъ отдавали, про то мы неизвѣстны; нынѣ въ тѣхъ вотчинахъ купцовъ и городовыхъ жителей имѣемъ

мы жительство въ половничествѣ"... Вотъ примѣръ безземельныхъ крестьянъ, отцы которыхъ распродали все, что имѣли; имъ пришлось заняться половничествомъ и поселиться на чужой землѣ.

Введеніе подушной подати произвело въ положеніи такихъ половниковъ существенную перемѣну.

Въ 1723 году послѣдовалъ указъ (4332), которымъ предписывалось Сенату,—„учинить лучшій способъ, чтобы половники, переходя съ мѣста на мѣсто, подушнаго сбора не избыли".

Итакъ, при введеніи подушной подати половники были еще свободны и имѣли право переходить съ одной земли на другую. Они не помѣщицьи люди, а государственные крестьяне, поэтому они сохраняютъ свободу, хотя и сидятъ на чужой землѣ. Такъ долго живетъ еще старое право крестьянской свободы въ Двинской землѣ.

Въ 1725 году Сенатъ разрѣшилъ порученную ему задачу. Вотъ это рѣшеніе (4661).

Половникамъ быть за тѣми, за кѣмъ они записаны по ревизской сказкѣ, кто бы это ни былъ: дворянинъ, купецъ или крестьянинъ. Подушныя деньги за половниковъ платитъ тотъ, за кѣмъ они записаны.

Но половникъ можетъ и отойти, только съ согласія хозяина земли.

При этомъ должно быть соблюдено слѣдующее условіе. Отпускающій половника и принимающій должны подать комисару доношеніе, въ которомъ принимающій долженъ взять на себя обязательство платить за половника подушное безъ отговорки. А кто приметъ половника безъ отпуска отъ прежняго владѣльца,—обязывается платить за него подушное, штрафъ въ 20 р. и убытки.

Такое право перехода ограничивается предѣлами уѣзда.

Это есть новое прикрѣпленіе крестьянъ, сидящихъ на чужой землѣ. Какъ и первое, оно сдѣлано правительствомъ и въ государственныхъ цѣляхъ, чтобы половники „подушнаго сбора не избыли".

Если для ухода половника нужно согласіе хозяина земли,

то хозяинъ могъ не дать этого согласія, и половникъ дѣлался крѣпкимъ землѣ.

Такъ землевладѣльцы и поступали.

Въ наказахъ встрѣчается жалоба на то, что купцы входили между собой въ соглашеніе не принимать къ себѣ чужихъ половниковъ. Это образецъ древнѣйшей у насъ стачки предпринимателей—во вредъ работниковъ. Такимъ путемъ образовалось чистое крѣпостное право на половниковъ для купцовъ, горожанъ, однодворцевъ и даже просто крестьянъ.

Въ чемъ же разница между половниками и крѣпостными? Можно было бы подумать, что половниковъ нельзя было отчуждать. Но едва-ли существовала и эта разница. Межевая инструкція 1754 года приказываетъ однодворческихъ крестьянъ именовать половниками. Это распоряженіе свидѣтельствуетъ о томъ, что правительство и само затруднялось различить половниковъ отъ крестьянъ. Но это не все. Далѣе встрѣчаемъ такое правило: однодворцы могутъ между собой продавать половниковъ, не выводя ихъ изъ уѣзда. Если однодворцы получили право отчуждать своихъ половниковъ, трудно думать, чтобы этимъ не воспользовались другіе владѣльцы.

По древнему порядку половникъ производитъ сельскія работы изъ-полу, т. е. пашетъ, сѣетъ, косить и т. д. на себя, а полученный продуктъ дѣлитъ пополамъ. Послѣ прикрѣпленія половника къ землѣ, онъ сталъ производить работы на хозяйскомъ полѣ, т. е. для него возникла барщина. Онъ сѣялъ, жалъ и косилъ на хозяина, рубилъ для него дрова, дѣлалъ лучину, рубилъ лѣсъ, строилъ дома и всѣ хозяйственныя постройки и т. д. Жены половниковъ обрабатывали хозяйскій ленъ: мыли, трепали, чесали, пряли, ткали холстъ и бѣлили. И все это не изъ-полу, а за землю, которую давалъ имъ хозяинъ. Половники жалуются, что ихъ употребляютъ на работы,—„якобы крѣпостныхъ купленныхъ крестьянъ“.

По части рекрутской повинности въ рукахъ хозяевъ образовалось такое же право, какое имѣли дворяне. Они сдавали половниковъ въ рекруты по своему усмотрѣнію, не соблюдая при этомъ никакой очереди; хозяева пользовались

при этомъ своею властью въ видахъ наказанія половниковъ: они сдавали въ рекруты тѣхъ изъ нихъ, которыми были недовольны. Если рекрута приходилось ставить въ складчину нѣсколькимъ хозяевамъ, то тотъ, который ставилъ своего половника, бралъ съ другихъ деньги и употреблялъ ихъ въ свою пользу. Такъ же распоряжались и помѣщики со своими крѣпостными.

Съ другой точки зрѣнія смотрѣли на положеніе половниковъ купцы: они не находили его очень тяжелымъ. Для объясненія своихъ правъ распоряжаться ихъ трудомъ, они указывали на то, что, обыкновенно, принимаютъ въ половники людей бѣдныхъ, у которыхъ не было ни двора, ни земли; они даютъ имъ землю, подмогу деньгами на покупку лошадей, скотъ и сѣмена на посѣвъ; они же платятъ за нихъ подушное по 1 р. 70 к. за душу.

IV.

Указанными ограниченіями правъ крестьянскихъ, вызванными введеніемъ подушной подати и послѣдовавшимъ за ней установленіемъ общиннаго землевладѣнія, дѣло не ограничилось. Въ XVIII столѣтіи свободныхъ крестьянъ постигли и другія ограниченія, неизвѣстныя древности.

Наша старина знала рабство, но не знала сословій. Въ XVII вѣкѣ возникаетъ для крестьянъ, сидѣвшихъ на помѣщичьихъ земляхъ, крѣпостное право. Оно повело къ ограниченію торговыхъ правъ крестьянъ. Уложеніе запрещаетъ имъ имѣть въ городахъ дома, лавки, амбары и погреба и производить изъ нихъ торговлю. Это было послѣдовательно. Если крестьяне были прикрѣплены къ господской землѣ и должны были работать на господина, нельзя было предоставить имъ права жить постоянно въ городахъ и заниматься тамъ въ качествѣ постоянныхъ городскихъ жителей торговлей. Но торговля не была имъ запрещена. Они могли торговать всякими товарами, въ городскихъ гостиныхъ дворахъ съ возовъ и струговъ, т. е. наѣздомъ. Новыя правила проникали въ крестьянскую среду очень туго. Владѣльческіе кре-

стьяне продолжали по старинѣ не только продавать въ городахъ изъ лавокъ всякіе товары, но и покупать для перепродажи товары у купцовъ. Городскіе торговые люди, которымъ эта конкурренція не нравилась, подаютъ жалобы; а правительство издаетъ сепаратные указы, которыми крестьянамъ извѣстной мѣстности предоставляется право производить въ городахъ всякую торговлю изъ рядовъ и лавокъ на условіи платить съ своихъ городскихъ промысловъ и торговли лежащія на купцахъ повинности. Это было непослѣдовательно, но послѣдовательность законодательства составляетъ въ исторіи большую рѣдкость.

Та же послѣдовательность вызываетъ и другую статью Уложенія, которой владѣльческимъ крестьянамъ, нанимающимся на работы у постороннихъ людей, запрещено занимать у нихъ деньги по ссуднымъ записямъ и кабаламъ. Смыслъ запрещенія понятенъ, несостоятельный должникъ приговаривается къ отработкѣ долга во дворѣ заимодавца, а крестьянинъ долженъ работать на своего господина. Слѣдовательно, права кредитора по взысканію долга сталкивались съ правами господина. Эти ограниченія касаются крѣпостныхъ крестьянъ, а не волостныхъ черносошныхъ.

Петръ Великій не былъ сторонникомъ крѣпостнаго права. Наше законодательство обязано ему первыми его ограниченіями. Въ вопросѣ, подлежащемъ моему разсмотрѣнію, Петръ, въ отмѣну правилъ Уложенія, предоставилъ крѣпостнымъ, у которыхъ въ городахъ были дома и лавки и которые вели тамъ торговлю не менѣе какъ на 500 рублей, приписываться въ городскіе жители. Помѣщикамъ же было предписано довольствоваться съ этихъ крестьянъ, перешедшихъ въ города, однимъ оброкомъ и не большимъ того, какой поступалъ въ ихъ пользу съ крестьянъ земледѣльцевъ.

Дѣятельность Петра Великаго не нашла послѣдователей. Законодатели XVIII вѣка приравниваютъ государственныхъ крестьянъ къ крѣпостнымъ и устанавливаютъ для всѣхъ крестьянъ новыя, неизвѣстныя Уложенію ограниченія.

Сенатскій указъ 1752 года (10.042) запрещаетъ крестьянамъ розничную въ городахъ торговлю, если они не записываются въ посады.

Очень интересны мотивы этого сенатскаго распоряженія. Сенатъ ссылается на постановленія торговаго устава 1667 г. Въ немъ дѣйствительно запрещена розничная торговля, но иноземцамъ своими заморскими товарами, а не русскимъ крестьянамъ. О торговлѣ крестьянъ въ этомъ уставѣ нѣтъ ни слова. Не подлежитъ сомнѣнію, что Елизаветинскій Сенатъ дѣйствовалъ въ интересахъ купечества.

Другимъ указомъ того же Сената отъ 1755 года (10.486) крестьянамъ предоставлено право торговать въ городахъ только до полудня. Здѣсь же перечислены и товары, которыми могутъ торговать крестьяне: хлѣбъ, живность, рыба, капуста и другіе съѣстные припасы. По Уложенію они могли торговать всякими товарами.

Наконецъ, въ 1761 году (11.204), въ видахъ огражденія крестьянъ отъ эксплоатаціи ихъ богатыми людьми, Сенатъ запрещаетъ имъ обязываться векселями и вступать въ откупы и подряды, кромѣ найма подводъ и судовъ. Деньги они могутъ занимать подъ заемныя письма, но съ разрѣшенія своего начальства и за поручительствомъ лицъ другихъ сословій.

Можно себѣ представить, въ какое затруднительное положеніе были поставлены крестьяне этими распоряженіями. Что же касается купцовъ, то, одобренные лестнымъ вниманіемъ къ нимъ Сената, они предъявляютъ все новыя и новыя стѣснительныя для крестьянъ требованія. Въ наказахъ немало жалобъ на эти новые порядки и новыя домогательства купечества.

Крестьяне Окладниковой слободки жалуются на крайнее стѣсненіе средствъ существованія: въ ихъ мѣстности, по причинѣ суровости климата, хлѣбъ родится съ немалымъ уменьшеніемъ противъ верховыхъ городовъ, а въ городахъ торговъ имъ имѣть не велѣно. Они заключаютъ свой наказъ просьбой о предоставленіи имъ права свободнаго торга по городамъ. Такая просьба встрѣчается во многихъ наказахъ.

Крестьяне Богоявленскаго погоста жалуются на то, что купцы Шенкурскаго посада запрещаютъ имъ привозимые въ посадъ крестьянскіе товары продавать пріѣзжимъ людямъ и

требуютъ, чтобы они продавали ихъ только мѣстнымъ купцамъ.

На чемъ основано это требованіе? Крестьяне объ этомъ ничего не говорятъ. Это требованіе основано на постановленіи того же торговаго устава, о которомъ я говорилъ выше. Торговый уставъ 1667 года предписываетъ иноземцамъ продавать свои товары только мѣстнымъ купцамъ и покупать русскіе—только у нихъ же. Торговый уставъ изданъ по челобитью гостей и торговыхъ людей гостиныхъ сотенъ и черныхъ слободъ для огражденія ихъ отъ опасной конкурренціи иноземныхъ торговцевъ. Торговые люди Двинскихъ городовъ и слободъ, интересы которыхъ постоянно сталкивались съ интересами заморскихъ купцовъ, пріѣзжавшихъ въ Московію чрезъ Архангельскій портъ, хорошо знали постановленія таможеннаго устава и желали распространить примѣненіе его и къ русскимъ крестьянамъ. Это наводитъ на предположеніе, что и мысль о примѣненіи къ крестьянамъ запрещенія розничной торговли, усвоенная Сенатомъ, продиктована ему тѣми же купцами. Богоявленскіе крестьяне просятъ о предоставленіи имъ права продавать свои товары, кому пожелаютъ.

Другимъ характеромъ отличаются заявленія купцовъ. Всѣ городскіе торговцы стоятъ на точкѣ зрѣнія новыхъ сенатскихъ указовъ: они просятъ о запрещеніи крестьянамъ торговать въ розницу, торговать съ пріѣзжими, торговать шолкомъ и другими купеческими товарами и т. д.

Не лишнимъ считаю привести здѣсь данныя вологодскаго наказа о развитіи торговли вологодскаго купечества: „Вологодское купечество . . . . . покупаютъ россійскаго продукта недѣланные и дѣланные разные товары, недѣланные передѣлываютъ на своихъ заводахъ, а иные и не передѣлавши развозятъ внутрь Россіи и въ Сибирь до китайской границы и продаютъ тамъ китайцамъ, мѣною на ихъ товары; протчіе же возятъ къ россійскимъ портамъ, въ С.-Петербургъ, къ городу Архангельску, въ Ригу, Ревель и Онегу, и продаютъ опые иностраннымъ купцамъ. А отъ порта Архангельскаго, яко наиспособнѣйшаго для водяной коммуникаціи, при ономъ

портѣ малую продажу своимъ товарамъ чинимъ, но большую часть товаровъ отпускаемъ за нашъ собственный счетъ въ другія государства на россійскихъ и иностранныхъ корабляхъ. А и покупокъ нѣмецкихъ товаровъ мало чинимъ при портахъ, но по большей части выписываемъ оные за нашъ же счетъ изъ другихъ государствъ чрезъ С.-Петербургъ и черезъ оный Архангельскій портъ, для продажи при ономъ портѣ оптомъ пріѣзжающимъ купцамъ, такожъ и для отвоза во внутренніе россійскіе города, иногда и до Оренбурга, для промѣна со знатцами на ихъ товары. А иные развозятъ во всю Сибирь до китайской границы, Колывановоскресенскихъ, Барнаулскихъ и Нерчинскихъ заводовъ, даже и до самой Камчатки. И въ самой Камчаткѣ строятъ морскія суда своимъ коштомъ и отпускаютъ оныя въ морской вояжъ для ловленія морскихъ и островныхъ звѣрей, такожъ и для прінсканія вновь неизвѣстныхъ островов". Любопытно бы узнать, какъ далеко простирается торговля современныхъ намъ вологжанъ и прінскиваютъ ли они и теперь неизвѣстные острова?

Итакъ, юридическое положеніе свободныхъ крестьянъ было крайне стѣсненное и ограниченное, экономическое—далеко не у всѣхъ процвѣтало. Вотъ что говорятъ о себѣ крестьяне Сидоровой едомы:

„А крестьяне скота держатъ по самому малому числу, по одной лошади да по коровѣ, а есть такіе крестьяне и не единой скотины у себя не имѣютъ; и навозовъ на пахотную землю возимъ мало, и потому хлѣба родится мало, и крестьяне, нужные и скудные, и въ хлѣбѣ имѣютъ великій недостатокъ; а въ продажу никогда не бываетъ; а иные крестьяне и сами покупаютъ".

А вотъ заявленіе крестьянъ Ковской волости: „По неимѣнію у насъ рыбьихъ семежныхъ промысловъ, за недарованіемъ Божіимъ, и, за совершенною скудостію и изнеможеніемъ, платить подушныхъ денегъ не въ состояніи, и по крайности пришли къ отчаянію и претерпѣваемъ великій голодъ, употребляемъ себѣ въ пищу сосновый и березовый изъ подъ верхней коры сокъ, гнилое дерево и бѣлый мохъ, вы-

талкивая на подобіе муки, примѣшивая на большую часть съ мукою. А нынѣ, за неимѣніемъ при нашемъ мѣстѣ продажнаго хлѣба, а гдѣ есть въ продажѣ—малое число, и то весьма продаютъ высокими цѣнами, и, конечно, отстанемъ отъ послѣдняго своего пожитку, скота и промысловыхъ потребностей, и затѣмъ болѣе приттить вовсе не въ состояніи изъ послѣдней нищеты и крайняго разоренія".

И это не единственныя заявленія. Тѣмъ не менѣе и въ этой обиженной закономъ и природой странѣ были мѣстности, въ которыхъ населеніе было всѣмъ довольно и не испытывало никакой потребности въ какихъ либо новшествахъ. Крестьяне бывшей вотчины Антоніева Сійскаго монастыря говорятъ: „Сотскій и крестьяне съ общаго мірскаго совѣта дали сіе представленіе уѣздному повѣренному, что у насъ никакихъ нуждъ къ проекту новаго уложенія не имѣется".

Крестьяне Слободскаго стана Воскресенскаго прихода всѣ свои нужды и недостатки возлагаютъ на свои главныя команды; этимъ и исчерпывается все содержаніе наказа.

Крестьяне Шевденицкаго погоста и еще 14-ти мѣстностей того же уѣзда воздаютъ государынѣ благодареніе за то, что „сохраняются въ благоденствіи и тишинѣ". Они платятъ всѣ сборы безъ недоимокъ и просятъ только объ одномъ, чтобы съ нихъ не брали поборовъ, которые не взимаются въ другихъ мѣстахъ; во всѣхъ другихъ отношеніяхъ они довольны и живутъ въ благоденствіи.

V.

Какъ же воспользовалась императрица Екатерина въ своемъ законодательствѣ тѣмъ разнообразнымъ матеріаломъ, какой представляютъ крестьянскіе и городскіе наказы Архангельской губерніи? Она приступила къ новому законодательству съ совершенно уже готовой точкой зрѣнія на его характеръ и направленіе. Императрица воспользовалась указаніями наказовъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда находила въ нихъ мысли, согласныя съ ея собственными.

Точка соприкосновенія оказалась въ одинаковомъ стремленіи, какъ императрицы, такъ и значительнаго большинства депутатовъ, къ сословнымъ учрежденіямъ.

Въ XVIII вѣкѣ, несмотря на успѣхъ идей „просвѣтительной философіи", и на западѣ и у насъ господствовали сословныя понятія. Правосознаніе того времени не достигло еще высоты единаго и общаго для всего населенія государственнаго порядка, оно продолжало быть сословнымъ: у аристократіи свое, у горожанъ свое, у низшаго класса почти никакого. На этой точкѣ зрѣнія стояла и императрица Екатерина Нѣкоторое поощреніе идеи сословности она могла найти даже у своего учителя, Монтескье. Говоря о торговлѣ, онъ высказываетъ мысль, что духу монархіи противно, чтобы дворянство (la noblesse) занималось торговлею. Онъ даже находитъ, что обычай, дозволяющій англійскому дворянству торговать, всего болѣе способствовалъ тамъ ослабленію монархическаго начала. Императрица въ своемъ большомъ наказѣ повторяетъ эту мысль Монтескье и дѣлаетъ попытку рѣзко разграничить три историческихъ класса населенія. „Земледѣльцы",—говоритъ она,—„живутъ въ селахъ и деревняхъ и обработываютъ землю, и это есть ихъ жребій. Въ городахъ обитаютъ мѣщане, которые упражняются въ ремеслахъ, въ торговлѣ, въ художествахъ и наукахъ. Дворянство есть нарицаніе въ чести, различающее отъ прочихъ тѣхъ, кои онымъ украшены. Какъ между людьми одни были добродѣтельнѣе другихъ, а притомъ и услугами отличались, то принято издревле отличать добродѣтельнѣйшихъ и болѣе другихъ служащихъ людей, давъ имъ сіе нарицаніе въ чести, и установлено, чтобы они пользовались разными преимуществами, основанными на сихъ выше сказанныхъ начальныхъ правилахъ".

На той же сословной точкѣ зрѣнія стоитъ значительное большинство депутатовъ и привезенныхъ ими наказовъ, хотя сочинители ихъ и не знали ни мыслей Монтескье, ни мыслей Екатерины. Въ наказѣ кашинскаго дворянства выражается желаніе, чтобы „всякаго рода людямъ, какъ дворянству, такъ купечеству, равнымъ образомъ и разночинцамъ, пожалованы были генеральныя привилегіи, дабы каждый родъ имѣлъ свои

преимущества, и одинъ въ прерогативы другого не вступалъ, и всякій бы пользовался тѣмъ, чѣмъ будетъ привилегированъ".

Дворяне просятъ о предоставленіи имъ исключительнаго права владѣть населенными имѣніями, устраивать тамъ всякіе фабрики и заводы, заниматься всякими промыслами и вести всякую торговлю оптомъ и въ розницу внутри государства и внѣ онаго. Купцы, съ своей стороны, просятъ о предоставленіи имъ купеческихъ привилегій, состоящихъ въ исключительномъ правѣ ремесленнаго, заводскаго и фабричнаго производства и въ исключительномъ правѣ торговли. Ни дворяне, ни крестьяне не должны заниматься купеческимъ дѣломъ.

Умоначертаніе многихъ депутатовъ оказалось близкимъ къ умоначертанію Императрицы. Не будемъ ставить людямъ половины XVIII вѣка въ вину ихъ сословную точку зрѣнія: они выросли въ этихъ понятіяхъ, впитали ихъ съ молокомъ и воздухомъ. Обращу вниманіе читателя только на то, что у насъ это были все-же понятія новыя, понятія послѣ-петровскія. Древняя Русь ихъ не знала. Даже Москва XVII столѣтія знала только разные чины, т. е. разряды людей, различавшіеся обязанностями по отношенію къ государству, а не сословными привилегіями. Эти разные чины возникали не въ ихъ личныхъ интересахъ, а въ интересахъ государственныхъ. Чинъ дворянскій возникъ въ интересахъ государственной защиты. Дворяне должны были, по первому требованію, выступать на войну, конные, съ оружіемъ, людьми и запасами. Они несли эту обязанность съ своихъ земель, у кого были, или съ помѣстій. Но военную службу несли не одни дворяне; въ случаѣ надобности къ ней призывались всѣ тяглые чины и черносошные. Какъ люди менѣе достаточные, чѣмъ дворяне, они содержались на счетъ своихъ общинъ; но помѣстья давались не однимъ дворянамъ, они назначались казакамъ и простымъ солдатамъ, не-дворянскаго происхожденія. А съ другой стороны въ дворяне зачислялись не одни дѣти служилыхъ чиновъ, т. е. дворянскаго происхожденія, а и дворовые люди (патріаршіе, митрополичьи и

архіепископскіе, а при Иванѣ III и боярскіе), не служилыхъ отцовъ дѣти, если только они покупали себѣ вотчинныя земли или порожнія помѣстныя. Такимъ образомъ, московскій служилый классъ даже XVII вѣка не имѣлъ никакой замкнутости и никакихъ исключительныхъ правъ.

То же надо сказать и о чинѣ посадскихъ людей или торговыхъ. Въ XVII вѣкѣ они имѣли право производить въ мѣстахъ своей приписки всякую торговлю изъ лавокъ, амбаровъ и другихъ торговыхъ помѣщеній. Торговцы, пріѣзжавшіе изъ другихъ мѣстъ, не могли имѣть въ чужихъ городахъ своихъ торговыхъ помѣщеній, они могли торговать только въ гостиныхъ дворахъ съ возовъ и лодокъ. Право мѣстныхъ посадскихъ торговать изъ своихъ лавокъ не есть привилегія, это послѣдствіе обязанности нести мѣстное тягло и мѣстныя службы по выборамъ къ питейнымъ дѣламъ, солянымъ, въ таможни и пр. Посторонніе торговцы, посадскіе и крестьяне, не были лишены права имѣть въ чужомъ городѣ свои торговыя помѣщенія. Но желающіе должны были записаться въ мѣстный посадъ и тогда пріобрѣтали всѣ права мѣстныхъ посадскихъ, но должны были нести и ихъ обязанности. Въ Москвѣ были личныя привилегіи, даруемыя отдѣльнымъ лицамъ особыми жалованными грамотами, но не было привилегированныхъ классовъ населенія, не было сословій, въ точномъ смыслѣ этого слова. Сословія возникаютъ у насъ только въ XVIII вѣкѣ. Созданныя Екатериною сословія различаются не обязанностями по отношенію къ государству, какъ московскіе чины, а личными качествами, личными добродѣтелями, прирожденными каждому члену сословія. Всѣ дворяне одарены отъ природы „добродѣтелью и честью", купцы — „добронравіемъ и трудолюбіемъ"; только для третьяго сословія не оказалось соотвѣтствующаго дара природы. Добродѣтель и честь предписываютъ дворянамъ любовь къ отечеству, ревность къ службѣ, послушаніе и вѣрность государю и постоянное воздержаніе отъ всякого безчестнаго поступка. Отъ средняго рода людей, говоритъ Екатерина, государство ожидаетъ много добра. Третьему сословію не отведено мѣста и въ этихъ надеждахъ на будущее.

Императрица Екатерина была послѣдовательна. Признавъ отличительнымъ свойствомъ всѣхъ лицъ дворянскаго званія добродѣтель, она дѣлаетъ ихъ господствующимъ сословіемъ. Въ ихъ рукахъ все мѣстное управленіе. Владѣніе населенными имѣніями—ихъ исключительное право. Они могутъ устраивать въ нихъ фабрики и заводы и продавать произведенія своихъ земель и фабрикъ оптомъ внутри имперіи и заграницей. Если пожелаютъ, они могутъ пользоваться и городовымъ правомъ. И все это въ ихъ личныхъ интерасахъ, а не государственныхъ; обязанность службы, ради которой и было введено крѣпостное право, была отмѣнена Петромъ III, и отмѣна эта подтверждена и Екатериной II-й.

Купцамъ предоставлено было право торговли. Но землевладѣніе является для нихъ, по законодательству Екатерины, запретнымъ даромъ. Только именитымъ гражданамъ предоставлено было жалованной городамъ грамотой право пріобрѣтать загородные дворы и сады. Всѣ остальные классы городскихъ жителей были лишены этого преимущества; за ними оставалось только то, что они уже имѣли. Въ этомъ выразилась тенденція императрицы сосредоточить все землевладѣніе въ рукахъ дворянъ. Этой тенденціей объясняется и другая статья жалованной грамоты, по которой городамъ воспрещено было покупать земли для увеличенія своихъ выгоновъ даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда выгоны были обращены на нужды города. Та же мысль о лишеніи людей средняго рода права на пріобрѣтеніе недвижимостей видна и въ межевой инструкціи, по которой однодворцамъ, записаннымъ въ купеческое званіе, запрещено было нарѣзывать земли на томъ основаніи, что они не какъ поселяне, а какъ мѣщане должны довольствоваться не отъ пашни, а отъ торговъ и промысловъ, и жительство имѣть въ городахъ, а не въ селахъ. На этомъ же основаніи всѣ черносошные крестьяне, записавшіеся въ купечество, должны были оставлять деревни и переселяться въ города. Такъ ограничены были люди средняго рода.

Что же осталось для крестьянъ?

—Одни ограниченія, которыя возникли еще до Екатерины.

Понятно, что крестьянамъ нельзя было дать и никакой жалованной грамоты.

Въ большомъ наказѣ личныя качества крестьянъ не опредѣлены. Тамъ сказано только, что они живутъ въ селахъ и деревняхъ, и обработка земель есть ихъ жребій. На этомъ основаніи можно было бы подумать, что императрица имѣетъ въ виду предоставить имъ широкое право по пріобрѣтенію земли. Но земли нашли уже себѣ обладателя, а потому крестьянскимъ обществамъ предоставлено было только право пользованія тѣми землями, съ которыхъ крестьяне были положены въ подушный окладъ, и всякія новыя пріобрѣтенія были имъ воспрещены. Крестьяне могли перейти въ торговое званіе, но тогда они лишались и права на тѣ земли, съ которыхъ клались въ подушный окладъ, и должны были перебраться въ городъ, т. е. переставали быть крестьянами и пріобрѣтали всѣ свойства горожанъ.

Только къ концу своего царствованія императрица Екатерина стала приходить къ мысли о вредѣ крайняго развитія сословныхъ началъ, проникавшихъ ея законодательство. Это можно заключить изъ указовъ конца 80-хъ годовъ, которыми крестьянамъ предоставлено было право покупать земли, хотя опять-таки съ большимъ ограниченіемъ,—только по смежности со своими волостями.

Наше законодательство XVIII вѣка было чрезвычайно неблагопріятно для третьяго сословія. Рядъ мѣръ въ его пользу—дѣло императоровъ XIX вѣка.

Есиповича (рѣчи сенаторовъ **Н. А. Хвостова** и **А. Ѳ. Кони**).—**Леонтовичъ, Ѳ. И.** Очерки изъ исторіи литовско-русскаго гражданскаго права.—**Мулюкинъ, А. С.** Къ вопросу о договорахъ русскихъ съ греками.—**Жени, Фр.** Законодательная техника въ современныхъ гражданско-правовыхъ кодификаціяхъ (переводъ съ французскаго).—**Рейнке, Н. М.** Законодательная централизація въ примѣненіи къ Царству Польскому.—**Ильбертъ, К.** Техника англійскаго законодательства (перев. съ англійскаго бар. А. Э. Нольде).—**Подгорѣцкій, П.** Наиболѣе желательныя измѣненія въ организаціи современнаго нотаріата.—**Францессонъ, И. В.** Судебная практика Иркутской судебной палаты по гражданскому департаменту и общему собранію департаментовъ.—**Шнейдеръ, К.** Вексельные мораторіи 1905 года съ точки зрѣнія законодательной техники.—**Его же.** Объ отвѣтственности надписателей по прежнему уставу о векселяхъ.—**Товстолѣсъ, Н. Н.** Дареніе по дѣйствующему праву въ связи съ проектомъ гражданскаго уложенія.—**Бутовскій, А. Н.** Объ уничтоженіи крѣпостныхъ актовъ.—**Его же.** Продажа четвертныхъ земель.—**Пороховщиковъ, П. С.** Прокурорскія замѣтки о психіатрической экспертизѣ.—**Форель, А.** Человѣкъ и наркозъ (переводъ съ французскаго).—**Пустораслевъ, П. П.** Причинность и обусловленность въ уголовномъ правѣ.—**Червонецкій, Д. А.** Мошенничество по новому уголовному уложенію.—**Садовскій, В. С.** Международная Брюссельская конференція по морскому праву.—**Иностранные законы** объ административныхъ судахъ I. Пруссія. II. Франція.—**Гуссаковскій, П. Н.** Административная юстиція.—**Александренко, В. Н.** Порядокъ заключенія и утвержденія трактатовъ въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ.—**Хроника.—Письма изъ Англіи.** XLIV—L. *Сесиль Мидъ-Аллена.*—**Письма изъ Парижа.** Проф. *Анри Бертелеми.*—**Литературное обозрѣніе.—Библіографія.—Указатель юридической литературы.—Объявленія.**

Въ видѣ особаго приложенія напечатаны: **Отчеты по Кассаціоннымъ Департаментамъ Правительствующаго Сената за 1904 и 1905 г.г.**

Подписная **плата 8 рублей** въ годъ съ доставкою и пересылкою.

Должностныя лица, при подпискѣ **черезъ казначеевъ**, пользуются разсрочкою до 1 рубля въ мѣсяцъ съ тѣмъ, чтобы вся уплата была произведена въ теченіе первыхъ 8 мѣсяцевъ каждаго года.

Всѣ прочіе подписчики, **при подпискѣ** исключительно **въ Главной Конторѣ**, пользуются **разсрочкою до 2 рублей** въ мѣсяцъ съ тѣмъ, чтобы вся уплата была произведена въ теченіе первыхъ четырехъ мѣсяцевъ каждаго года.

Кандидаты на должности по судебному вѣдомству, лица, оставленныя при университетахъ для приготовленія къ профессорскому званію, а также студенты императорскихъ университетовъ и Демидовскаго Юридическаго Лицея, воспитанники Императорскихъ: Училища Правовѣдѣнія и Александровскаго Лицея и слушатели Военно-Юридической Академіи платятъ—при подпискѣ въ Главной Конторѣ,—по **5 рублей въ годъ.**

Книжные магазины пользуются за пріемъ подписки и объявленій уступкою 10%.

Главная контора: Книжный складъ М. М. Стасюлевича, С.-Петербургъ, Васильевскій островъ, 5 линія, д. 28.

Объявленія для напечатанія въ „Журналѣ" принимаются въ Главной Конторѣ съ платою по разсчету 30 копѣекъ за строчку и 8 рублей за страницу.

Редакція Журнала Министерства Юстиціи находится въ С.-Петербургѣ, по Екатерининской улицѣ, въ зданіи Министерства Юстиціи.

Редакторъ В. Ѳ. Дерюжинскій.

